

Н. Зонова

## Деревня моя, деревенька- колхозница...

В Аксеново мы приехали 7 июля — в день Ивана Купалы. Деревенские ребята очень обрадовались редкой возможности облить ангарской водицей начальников из райцентра и смогли использовать ее на славу — из конторы отделения после собрания удалось выйти сухими только нам, женщинам.

Собрание по форме мало отличалось от предыдущих (во Фролово и Усолцево) — те же выступления П. Ф. Безматерных и В. М. Глызина, те же вопросы: по доставке почты, по солярке, запчастям к технике, по снабжению продуктами и т. д. Но большая безысходность чувствовалась

на нем — никакого просвета. Медработника нет, учителя — тоже. А за парты 1 сентября должны сесть 15 аксеновских ребятшек. «Прислали бы хорошую учительницу, грамотную, а то все наши дети потом в Пановской школе на второй год остаются — подготовка слабая», — просили

аксеновцы на собрании.

Знают их боль в РОНО, пытаются помочь, но как угораздит выпускницу вуза поехать в деревню, где и электричество-то становится непозволительной роскошью?

Угасает Аксеново, живет сегодняшним днем, не пытаясь заглянуть в будущее — ничего хорошего в нем для деревни уже не будет. Все в прошлом. Богатая деревня, зажиточные люди, добротная школа, богатейшая библиотека. Только знаменитый «колокол над Ангарой» на месте, охраняет вечность, покой деревни, пока в ней еще слышны голоса людей, радостный визг ребятшек.

Сегодня по деревне, как рассказывали на собрании, таскают на продажу, меняют на водку все, что имеет ценность: холодильники, моторы, телевизоры, диваны и т. д. За водку все отдадут. Недаром аксеновские женщины, когда им посоветовали высказывать предложения районному руководству, первым делом просили: «Нужно коммерсантов прижать как следует — управы на них нет. Торгуют спиртным днем и ночью. Для деревни — беда».

Спросили, где работают те, кто не в совхозе. «В основном в шаткоме, по селу шатаются», — получили ответ. «Битый да грабленый у нас остались, нет уже своего народа. Вон в Усолцево — свой народ, вот они и борются. А у нас все хотят от совхоза получить удовольствие, а помочь никто не хочет», — добавила А. И. Бутакова.

Когда-то гремевшая на весь район Аксеновская ферма ныне для директора Л. А. Цыб — предмет постоянного беспокойства: дела там идут хуже, чем в целом по совхозу. Поголовье сократилось — насчитывает 130 единиц, дойных коров — 42. Техники — три трактора. Всего работников — чуть больше десятка. Весной засеяли 140 га силоса и 60 га зерновых.

Отделение приносит совхозу только убытки, у руководства уже мелькают мысли закрыть его, но это окончательно поставит на деревне крест — она до сих пор не умерла только благодаря поддержке совхоза и помощи соседей — К-100 («их бы не было, вообще бы труба была»), хотя и неприятности, конечно, осужденные, как и везде, деревне доставляют.

Н. Т. Романов — управляющий фермой просил район помочь прежде всего с горючим: «Сегодня бы начали косить (косилка на ходу), но солярки ни грамма нет. Живем на том, что выпросим у К-100». «Свет бывает, только когда молоко перегоняют, се-

годня утром даже «Марию» не дали досмотреть», — прокомментировали ситуацию пожилые женщины.

Вглядываясь в лица аксеновцев, внимательно слушая выступления и реплики, я, как и в других деревнях верхней части района, не переставала удивляться их терпению, стойкости, поразительному добродушию. Представляя встречи в зоне затопления перед отъездом, я была уверена, что пройдут они совсем по-другому, что доставнется районным властям как следует. И достанется справедливо.

Люди оказались добрее. Они внимательно слушали, делились своими бедами, пытались понять, что происходит в стране и районе. Мне кажется, большинство из них уже поняло, что помощи ждать неоткуда, что государству не до них.

Государству, которое, провозгласив радикальные перемены во всех областях жизни, на словах решительно отказавшись от опыта, накопленного за годы Советской власти, опять, как и прежде, проводит реформы за счет деревни. Ограбив крестьянство в коллективизацию, заставив его идти в города в качестве дешевой рабочей силы индустриализации, страна Советов поднялась с колен после разрухи гражданской войны; обирая крестьянство до последней нитки, лишив его конституционных прав (свободы передвижения, выбора места жительства и т. д.), страна смогла собрать средства, чтобы восстановить народное хозяйство после Отечественной войны.

Вновь переломный период в истории страны и уверения тех, кто у власти, что теперь каждый хозяин своей судьбы, что все в руках людей — только от них зависит их благополучие. Мысль в общем-то правильная, но для сильных. Сильных людей, сильных предприятий. А для тех, кого «ПРИУЧИЛИ» жить на дотации, кто волей случая оказался в ситуации, в которой нельзя выжить без помощи — как в зоне затопления, например?

Безнравственно, приучив больного к обезболивающим лекарствам, начать ДЕЛАТЬ ОПЕРАЦИЮ без наркоза — это может вызвать болевой шок и смерть.

Кто процветает сегодня? Заводы-монополисты, успешные перевооружившие новейшим оборудованием в прежние времена, торговые — посреднические фирмы, лавочки (мелкие и крупные). Кто едва сводит концы с концами? Таких гораздо больше. И среди них — совхозы, или то, что от них сегодня осталось.

Да и фермеры, если судить по нашему району, никак не процветают. Лишившись государственной поддержки, они умирают, так и не научившись «хозяйствовать по-новому».

Жители села оказались обреченными — удар инфляции всю тяжесть обрушил прежде всего на них. Это они, сдавая скот, картошку, скапливали годами средства, не имея возможности сразу обратиться в товары (все было дефицитом). Копили, надеялись, что придет черед... Теперь их заработанные кровью и потом деньги обратились в прах, а получать они стали в несколько раз меньше, чем жители городов.

«Чтобы сделать сегодня среднюю зарплату хотя бы 40 тыс. рублей, мы должны продавать сметану за 5 тыс. рублей. Но кто у нас станет ее покупать?» — говорила Л. А. Цыб. А заводы-монополисты не задают себе таких вопросов: комбайны и тракторы стоят уже миллионы рублей. «Если бы на чеки (ваучеры) наши можно было бы хоть трактор купить!» — воскликнула одна женщина на собрании в Усолцево. Но и этого идеологи ваучеризации не предусмотрели. Похоже, так и останутся в деревне лежать чеки по сервантам, пока их не скупит за бесценок какой-нибудь шустрый бизнесмен.

Не все ладно в государстве, в котором становится невыгодно КОРМИТЬ людей. Как получилось, что люди, производящие продукты питания, без которых еще никто не научился жить, оказались сегодня в самом тяжелом положении? Почему государство во всех официальных речах обещав всемерную поддержку и помощь, на деле забывает о них? Почему крестьянин Аксеново и Усолцево должен платить те же налоги, что житель Кодинска? Что он получает от страны? Чем он ей обязан? Да государство должно само доплачивать и спасибо говорить тем, кто еще не побегал, не бросил малые деревни по всей России, своим присутствием спасает их от полного забвения!

Крестьянство пока молчит, бузить не приучено, да и некогда: как потопашь, так и полопашь. На референдуме апрельском, правда, свое мнение выразило определенно: большинство в сельской местности Ельцину не доверяет и реформы не поддерживает. Но об этом средства массовой информации сообщили как-то скромно или вообще умолчали — зачем ложка дегтя, когда победа?

А деревня высказалась и дальше живет. Надеется, верит, ждет.



Сельские жительницы.

Фото Е. ПЕРВУХИНОЙ.